

писателя, и потому вполне естественно его обращение к опыту предшественников. Более существенно другое — полное отсутствие у Радищева подобной «галереи порочных» впоследствии. Хотя, надо сказать, своего рода сатирическое собрание персонажей в «Путешествии» есть. Я имею в виду блистательную галерею членов семейства Карпа Дементьича в главе «Новгород», причем необходимо подчеркнуть важнейшее обстоятельство: этот эпизод создавался и вводился в «Путешествие» во второй половине 1789 г., т. е. именно тогда, когда была написана и «Беседа о том, что есть сын Отечества». В обеих «галереях» — по четыре «портрета». Сопоставим любые из них, хотя бы последние.

«Беседа»: «Или не тот ли, сидящий за исполненным произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстями своими?» (Соч., I, 217).

«Путешествие»: «Парасковья Денисовна, ево новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит, потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки. — Глаз один подбит. Подарок ее любезнова муженька для первого дни, — а у кого догадка есть, тот знает, за что» (Печ., 108–109).

Совершенно очевидно, что во втором случае мы имеем дело с результатом принципиально иного художественного мышления. В «Беседе» перед читателем — вполне традиционный персонаж классицистической сатиры; в «Путешествии» — индивидуально-типизированный характер, один из первых в русской прозе реалистических портретов. А так как образ (метод) художественного мышления писатель вряд ли может мгновенно менять, как перчатки (ведь оба «портрета» созданы практически в одно время), то закономерен вывод: процитированные тексты принадлежат перу разных авторов.

От отдельных, частных, так сказать, «мелких» элементов образного строя обратимся к более крупным явлениям, свойственным радищевскому художественно-публицистическому мышлению. Для Радищева как мыслителя и писателя весьма характерно то, что можно назвать варьированием, повторением определенной идеи и автоцитированием. Сразу следует оговорить, что речь идет отнюдь не о прямом автоцитировании такого типа, как, скажем, у Лермон-